

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Дорога в космос

Окажись на месте Григория Денисенко другой, менее чуткий и внимательный человек, биография Юрия Гагарина могла сложиться совсем иначе

Нынешний год в Союзнм государстве проходит под знаком 50-летия полета в космос первого космонавта Земли – Юрия Гагарина, открывшего новую эру в развитии человечества. К полувековому юбилею в Российской Федерации утвержден орден Гагарина. Всего выпущено 100 таких наград, каждая из которых инкрустирована пятью бриллиантами. В числе первых орден вручен ветеранам космонавтики. Награды за №44 удостоен гомельчанин Григорий Денисенко – Герой Советского Союза, бесстрашный летчик Великой Отечественной войны, полковник. Награда Григория Кирилловича на днях была торжественно вручена его родственникам в Гомельском областном Совете ветеранов.

Как это нередко бывает, сосотояться первому космонавту помимо его личных неординарных качеств (огромного желания летать, недюжинного трудолюбия и целеустремленности) помог еще целый ряд обстоятельств, которые сложились именно так и не иначе, и люди, которые соединили их таким образом. Среди них

ФОТО АВТОРА

был и гомельчанин Григорий Денисенко.

Григорий Кириллович – человек яркий, неординарный и при

этом невероятно скромный. Участник Парада Победы в Москве 24 июня 1945-го, Герой Советского Союза, кавалер орде-

нов Ленина, Славы 3-й степени, Красного Знамени (дважды), Александра Невского, Отечест-

режды), Красной Звезды (дважды) и многих других высоких наград. В годы Великой Отечественной войны храбро громил врага, летал на штурмовике Ил-2. За полтора года участия в боевых действиях совершил 197 вылетов, уничтожил на земле 20 вражеских самолетов и два – в воздушном бою, 47 танков, три железнодорожных состава и множество другой техники противника. Его самолет дважды сбивали.

После войны Григорий Денисенко служил в ВВС СССР, работал в аэроклубах России. В середине 50-х возглавил Саратовский аэроклуб, где судьба и свела его с Юрием Гагариным. И для студента индустриального техникума, в котором учился тогда будущий первый космонавт, эта встреча была знаковой. Окажись на месте Григория Кирилловича другой, менее чуткий и внимательный человек, судьба Юрия Алексеевича могла сложиться совсем иначе.

Григорий Кириллович вспоминал:

– В соответствии с приказом заместителя председателя ДОСААФ СССР по авиации Н.П. Каманина студентов техникума запрещалось брать в аэроклуб на летное отделение. В те времена народному хозяйству очень нужны были специалисты среднего звена – прорабы, мастера, начальники цехов. Юра же с друзьями пришел в аэроклуб и попросил зачислить именно на летное отделение. Я пытался ему объяснить, что не могу этого сделать, что есть запрещающий приказ.

ЮБИЛЕЙ

Киевские контексты Михаила Булгакова

– Мирон Семенович, могли бы вы рассказать, как переживали булгаковский бум?

– Хорошо помню, как он начался после публикации «Мастера и Маргариты» – роман вышел в урезанном, испакощенном цензурой виде, но все равно ошеломил Россию и мир. И все решили начать писать о Булгакове, не считаясь с тем, есть ли им что сказать на эту тему. По-видимому, у современников писателя возникло неосознанное желание постоять рядом с гением, приобщиться к его совершенно безумной славе. Книга, которая тридцать лет пролежала, как в обороте, будучи известной лишь узкому кругу друзей и знакомых Елены Сергеевны Булгаковой, когда очунулась, оказалась самой значительной и самой читаемой книгой в мире, мощно влияющей на мировой литературный процесс. Читая по роду занятий русскую и переводную литературу, смотря фильмы и спектакли, я видел, что это захлестнуло всех – у всех были рефлекссы на эту книгу и этого автора. Причем, заметьте, что когда состоялись первые публикации булгаковского романа, ошеломление во многом определялось тем, что книга опубликована в атеистическом государстве, из которого была исключена Библия, во многом служившая источником вдохновения для автора, а слово «Бог» велено было писать с малой литеры... И вдруг именно в этом государстве появился роман, к которому вполне применим анекдот о Томасе Манне: когда писатель отдавал своей машинистке перепечатывать роман «Иосиф и его братья», заметьте, тоже на библейский сюжет, она его благодарила: «Спасибо вам, господин Манн, теперь, наконец, я знаю, как там все было на самом деле». Ощущение, что все происходило именно так, а не иначе, заслонило для читателей булгаковского романа то обстоятельство, что это не свидетельство очевидца, а роман человека, который жил почти 2 тысячи лет спустя после самого чудовищного судебного преступления, случившегося во граде Иерусалиме.

Это ощущение, должен сказать, захлестнуло не только тех,

Не советую никому задавать киевлянам вопрос, над каким «вечным» городом летают герои «Мастера и Маргариты». Ответ будет однозначным – над Киевом: вам даже маршруты прочертят. Просто киевляне убеждены – автор «Мастера и Маргариты» родился из духа Города (все помнят, что именно так Булгаков называл Киев в романе «Белая гвардия»).

В год 120-летия Михаила Булгакова, которое читающий мир отметил в мае, предлагаем читателям «СВ» беседу с известным киевским литературоведом Мироном Петровским, автором книги «Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова».

кто склонен к мифосочинительству, но даже так называемых ученых людей. Мне попала в руки книга «История и тайны уголовного и политического сыска России», изданная Союзом юристов Украины в издательстве «Юринформ», у книги есть рецензент, кандидат исторических наук, как и положено в научном издании. Меня заинтересовала глава «Иуда Искарriot, тайный осведомитель Первосвященника», я открыл соответствующие страницы, и что же я увидел? Что автор ничего не знает о существовании не только апокрифических, но и канонических евангелий, что он, не подозревая, что судебная история, произошедшая 2 тысячи лет назад, описана в этих евангелиях, пересказывает ее... по роману Булгакова. «В день смерти Иисуса прокуратор Иудеи Понтий Пилат принимал начальника своей тайной службы Аффания...» – ни в одном евангелии Аффания нет, это чисто булгаковская выдумка. Или: «Аффаний переоделся в темный поношенный хитон и пошел к выходу...» «Говорили они между собой на греческом языке...» и т.д. Откуда ему известно, что говорили они на греческом языке, – автор просто пересказывает булгаковский роман. Дальше – больше: «Он не торопясь пошел по улице, впереди него шла женщина. Приблизившись к ней, он, к своей радости, узнал Низу, любви которой безуспешно добивался...» Никакой Низы в евангелиях нет – это тоже выдумка Булгакова, причем я знаю примерно, к чему она восходит, как появилась... Но для юриста, ставшего, судя по всему, жертвой ошеломительного художественного эффекта, которого достиг Булгаков, текст писателя является достоверным свидетельством. Вот вам пример того, насколько массовое сознание было охвачено и покороено булгаковской образностью.

– Как же вы начали работу над книгой о Булгакове?

– Когда начался булгаковский бум, я решил о Булгакове ничего не писать, потому что не люблю коллективные танцы. В то время я работал над книгой очерков «Городу и миру» – о представителях разных художественных про-

фессий и национальных культур, но даже так называемых ученых людей. Среди моих героев были – Велимир Хлебников, Алексей Ремизов, Самуил Маршак, Александр Вертинский, Корней Чуковский, вождь украинского авангарда Михайль Семенко, Януш Корчак, Максим Рыльский, Лев Квитко.

Я перелопатил горы киевской прессы (с 1895 по 1919 год), исторической и мемуарной литературы, и у меня стала вырисовываться, хаотичная поначалу, картина жизни города, его быта, культуры. И на каждом шагу я наткнулся на сюжеты и явления в киевской культуре, которые явно были известны Булгакову, повлияли на него или были отражены в его творчестве. У меня постепенно набирался материал, пока я не начал потихоньку его организовывать и печатать в качестве отдельных статей – по определенному плану. И я увидел, что у меня выстраивается книга о том, как структурные черты культуры Киева формировали будущего художника.

– Как вы сами определяете жанр книги?

– Думаю, это литературоведческое исследование на грани городоведения, причем, настаивая на научности метода, я хотел бы, чтобы у книги было два адреса: профессионалы, которые могли бы оценить серьезность научных претензий, и читатели, которым было бы просто интересно.

– Как вы оцениваете Музей Булгакова в Киеве в качестве городоведа?

– Это уникальный музей. Его уникальность не в том, что нет пока других музеев, посвященных Булгакову, не в том, что там жил когда-то удивительный художник и собраны необыкновенные экспонаты, и даже не в том, что экспозиция музея очень талантливо, по-булгаковски театрализована. Ведь что показывают обычно в литературно-мемориальных музеях? Вот здесь писатель жил, работал, отдыхал, здесь написал свои замечательные произведения и т.д.

А в музее по Андреевскому спуску, 13, ничего подобного – здесь жил гимназист, студент, военный лекарь Булгаков, но не пи-

Булгаков-гимназист

сатель, и никаких произведений, знаменитых или нет, здесь не создавал. Но все же это уникальный музей, потому что показывает прототип замечательного булгаковского героя, который присутствует и в «Белой гвардии», и в «Мастере и Маргарите», и едва ли не во всех булгаковских вещах с постоянным «квартирным вопросом». Этот герой – Дом.

Дом – как очаг, который сопровождает Булгакова, порою даже неосознанно для читателей, работает этот миф, потому что он поддерживает мечту каждого человека о доме. И, заметьте, главным воплощением силы, которая хочет разрушить Дом, развеять по ветру накопленные им сокровища культуры, у Булгакова выступает всегда власть. И это противостояние – Дом, хранитель человеческого тепла (читай: культуры. – Ped.), и власть, которой человек нужен только для того, чтобы быть использованным и уничтоженным, – содержится во всех булгаковских произведениях. Вот в чем вижу уникальность этого музея, его глубокую связь с творчеством Булгакова и, простите, его актуальность.

– Как вы считаете, будет ли Булгаков когда-нибудь принят всеми – среди православных отношение к писателю пока предосудительное?

– Должен заметить, что даже со стороны православных такого рода отношение установилось не сразу, потому что первое полное издание «Мастера и Маргариты», вышедшее в Америке, – сокращенный советской цензурой текст давался курсивом, – сопровождался благословляющим предисловием архиепископа Иоанна Сан-Франциского, иерарха зарубежной Русской православной церкви. И вообще сам факт открытого художественного разговора о вере был ошеломителен для советских людей – сродни эффекту второго пришествия Христа, поэтому читатели не сразу увидели, что в романе бездна неплатформенных, может быть, не всегда и христианских мотивов и, во всяком случае, он чрезвычайно далек от канонической экзегезы. Это какая-то боковая ветвь христианства, по моим наблюдениям, с сильным уклоном в сторону, полагаю, протестантизма. Замечу, что отвечаю на вопрос о религиозно-нравственных представлениях Булгакова, а не о вере, потому что вера – глубоко интимное де-

но парень настойчиво продолжал уговаривать принять его. Я пообещал, что когда буду в Москве, переговорю с генералом Каманиным, чтобы было сделано исключение. Юра, безусловно, в рубашке родился, твердо шел по предначертанному ему жизненному пути. Очень скоро меня вызвали в Москву на сборы, и я рассказал Николаю Петровичу о Гагарине – мол, парень хорошо учится, отличный спортсмен, секретарь комитета комсомола, уж очень просится в аэроклуб. Нужны нам такие люди. «Посмотрите на месте, – согласился Каманин, – чтобы, во-первых, руководство техникума не возражало, а во-вторых, с военкоматом договоритесь». Я так и сделал.

Так Юра стал курсантом Саратовского аэроклуба. И пока я утрясал вопросы во всех инстанциях, он проходил курс теоретической подготовки, после чего сдал все предметы на «отлично». Занятия шли каждый вечер по четыре часа. И это после трех пар занятий в техникуме! Какие нужны были организованность, упорство и сила воли! Но из-за теоретического курса Юра отстал по практической летной подготовке. Он убеждал меня, что ликвидирует отставание, а я ему сказал: «Давай так: приносишь диплом с отличием из техникума – будешь летчиком. Нет диплома с отличием – будешь литейщиком!» Прошло некоторое время, и Гагарин принес мне диплом с отличием. Мне ничего не оставалось, как выполнить свое обещание.

Юра был зачислен в летную группу, где вскоре стал одним из

лучших. Запомнился очень трудолюбивым молодым человеком. При этом оставался обычным парнем: веселым, озорным, знавшим толк в хорошей шутке. Помню, бегал с друзьями на реку поплавать, бывало, что и на бахчу за арбузами лазили.

После окончания аэроклуба Гагарин получил направление в Оренбургское летное училище, потом его отобрали в отряд космонавтов, и он первым из землян совершил полет в космос. Но тех людей, которые ставили его на крыло, не забывал.

Впоследствии Григорий Денисенко встречался с Юрием Гагариным в Москве, когда тот уже был первым космонавтом Земли...

С белорусским Гомелем у Григория Кирилловича связана значительная часть жизни. Здесь ему были присвоены звания: почетный гражданин города Гомеля и Гомельской области, почетный летчик Вооруженных сил Республики Беларусь.

Нынешней весной Григория Кирилловича Денисенко не стало. 10 мая ему исполнилось бы 90 лет.

Вручая от имени Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева орден Гагарина сыну Григория Кирилловича Владимиру и его семье, советник Посольства Беларуси в Российской Федерации Валентина Якутенко сказала о ветеране так:

– Великий человек... То, сколько он успел сделать, с лихвой хватило бы на несколько жизней...

Валентина ЛАЙКОВА

ло, которое писатель не декларирует прямо. А заявления о «еретическом» характере булгаковского романа делаются со стороны определенной христианской конфессии, догматической или даже фундаменталистской, и не могут поколебать факта, что роман принадлежит христианской культуре. А это понятие более широкое, чем догма одной православной конфессии.

– Верите ли вы в то, что «Мастер и Маргарита» не поддается экранизации и инсценизации, потому что кем-то наложен запрет – то ли самим автором, то ли Воландом?

– Мое несчастье заключается в том, что я вульгарный материал, так что считаю, что роман Булгакова не поддается экранизации и инсценизации ровно в такой степени, в какой все остальные хорошие романы. Видите ли, проблема перевода из одного жанра в другой – одна из принципиальных проблем культуры, в сущности, и булгаковский роман мы можем рассматривать как своего рода перевод с языка культуры XIX века на язык XX века, с языка сакрального – на светский, не правда ли? В сущности, всю культуру можно рассматривать как непрерывный перевод с одного языка на другой – национального, социального, жанрового, скажем, превращение романсовой мелодии в гениальный вальс Свиридова, вот вам пример перевода с языка низкого романа на язык высокой сценической поэмы.

Булгаковские вещи, по моим наблюдениям, легко переделывать для сцены, потому что это проза, написанная драматургом. В сущности, когда инсценировщик создает из прозы Булгакова пьесу или сценарий, он как бы переводит ее на первоначальный язык. Совсем по анекдоту про Михаила Светлова: ему не платили гонорары за переводы стихов с молдавского, и он пригрозил, что переведет их обратно. Думаете, в чем основа потрясающего успеха фильма «Собачье сердце» – в нем почти полностью сохранен булгаковский текст. И это правильно, потому что ничего более эффективного, художественно содержательного и замечательного, чем этот текст, представить себе невозможно. Вот говорят – «проза поэта», а в нашем случае – «проза драматурга».

А вместе с тем, убежден, никакой конгениальный перевод булгаковской прозы на язык кино или театра не удовлетворит зрителя, потому что при чтении у каждого возникает своя, внутренняя версия экранизации или сценизации. А текст писателя нас-

только апеллирует к человеческим чувствам – зрению, слуху, обонянию, тактильным ощущениям, что у каждого читателя остается ощущение непосредственного присутствия – почему это так, меня спрашивают на каждой читательской конференции. Поэтому-то и самая мастерски сделанная инсценировка не будет для них удовлетворительной. Пожалуй, и булгаковский текст не всегда будет равен сам себе – читать его будут разные люди в разные эпохи. Будут читать и спорить, в этом, собственно говоря, и есть продление жизни Мастера.

– Как вы думаете, Булгаков написал бы «Мастера и Маргариту», если бы не пережил личную драму с непризнанием его таланта в Москве?

– Видите ли, художник не просто отражает мир – он создает миры и, как Господь Бог, несет ответственность за всех. Заметьте, в булгаковский рай полки белогвардейцев идут вместе с красногвардейскими. Писатель жалел всех, к человеку он относится так, как Господь, который «хранит всех». Художник не может спасти мир, как Иисус, но он может выразить любовь к этому миру и понимание человеческой жизни как величайшей ценности. Поэтому вопрос о «личном – не личном» в жизни писателя – из серии обывательских, это вещи нерасчетливые в творческом сознании художника.

– Вы думаете, Сталин желал его смерти?

– Мне трудно реконструировать внутренний мир Иосифа Виссарионовича. Мне плохо дается понимание тиранов и палачей. «Ваши усики мне снятся» – будто бы сказал Сталин исполнителю роли Турбина в булгаковской пьесе. Это означает одно: Булгаков со своим художественным проник во внутренний мир Сталина, подобно его герою Иешуа, смутившему Пилата. Об этом же говорит множество незакавыченных цитат из Булгакова в статьях и выступлениях Сталина (некоторые из них показал Владимир Лакшин). Художественное обаяние булгаковских текстов, по-видимому, захватило и этого читателя-зрителя. Но как быть тирану с художником? С художником, каждое произведение которого говорит о противостоянии пророка и власти – Иешуа и Пилата, Мольтера и короля, Пушкина и императора?..

Но художник, если посмотреть на дело исторически, победил тирана. Победил и осуществил свое пророчество о бессмертии.

Беседовала Нина КАТАЕВА
Киев – Москва